

КРАСНОЕ САРИ и карты Таро

«Карты не врут. Они просто показывают путь»

Камила Васендина

Женский роман. Тревел проза

18+

Камила Васендина

Красное сари и карты Таро

«Автор»

2026

Васендина К.

Красное сари и карты Таро / К. Васендина — «Автор», 2026

Четыре подруги за сорок отправляются в Индию. Светлана много лет ждёт предложения от любимого мужчины, но вместо кольца получает очередной айфон. Виктория, начальник санэпидемстанции, не может вырваться из-под контроля властной матери. Людмила забыла, что когда-то танцевала танго. А Камила после развода боится назвать себя художницей, хотя внутри неё бушуют волны, которые никак не получается нарисовать. В Индии всё идёт не по плану: закрываются аэропорты, исчезают попутчики, а вместо пятизвёздочных отелей их ждут слипер-басы, рыжие собаки и капитан пляжа, который проверяет коктейли «для качества». Карты Таро, которые Людмила достаёт в самые неожиданные моменты, начинают сбываться. Колесница, Башня, Луна, Звезда — каждая карта становится предсказанием. Но главные ответы героини находят не в картах, а в себе и в женской дружбе. Даже Лобню. Ироничная, тёплая история о том, что после сорока жизнь только начинается. Особенно, если у тебя есть с кем потеряться в аэропорту и не бояться этого.

© Васендина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Карты не врут	5
Глава 2. Индийская свадьба и капитан	12
Глава 3. Кокосовое лицо и новый расклад	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Камила Васендина

Красное сари и карты Таро

Глава 1. Карты не врут

Все началось с обычного женского трепа по телефону. Моя двоюродная сестра Светлана — нежная, светловолосая, с голосом, который, кажется, способен успокоить даже самое дикое животное — сообщила мне, что они с подругой Викторией летят в Индию, на Гоа. Небольшой такой отпуск, пара недель, океан, солнце — все дела.

Я, Камила, никогда не была в Индии. Я вообще человек быстрых решений: энергичная, веселая, привыкшая всё считать и просчитывать — спасибо моему малому бизнесу, который связан с дизайном и рекламой. Это наложило неизгладимый отпечаток в виде любви к цифрам, трезвому расчету и чувству прекрасного, которое, как ни странно, в рекламе тоже нужно. Но при этом внутри меня живет вечный оптимист, который любит смеяться, танцевать под современную музыку и время от времени воображать себя талантливой художницей или поэтессой.

Недавний развод? Да, было дело. Но Питер, мой любимый Санкт-Петербург, научил меня одной важной вещи: после дождя всегда выходит солнце. Или хотя бы выглядывает из-за туч, чтобы убедиться, что ты еще не утонула в луже.

Недолго думая — а чего, собственно, думать? — решила: «А не присоединиться ли мне к девочкам?»

Билет я купила через пять минут после того, как положила трубку, — мой рекламный бизнес научил меня, что хорошие офферы долго не живут.

Но на этом цепная реакция не закончилась.

Стоило мне поделиться планами с подругой Людмилой, как она посмотрела на меня своим фирменным хитрым взглядом — лисьим, прищуренным, улыбчивым. «Я тоже хочу, — сказала она с расстановкой, будто пробуя слова на вкус. — Я тоже хочу отдых». Людочка — натура деятельная: любимый муж, он же врач-стоматолог Вениамин Львович, две собаки и собственная студия ландшафтного дизайна в Сестрорецке. Но даже у самых надежных механизмов срабатывает предохранительный клапан, и Людочка решила, что пора его нажать.

И вот уже нас четверо.

Светлана, моя северная сестра из Тюмени, ветеринарный врач с золотыми руками и рациональным подходом к деньгам, с твердой уверенностью, что экономия — это искусство. А еще, как я знала, в ее жизни уже очень давно есть один мужчина. Марк. Тот самый. О нем она говорила с загадочной полуулыбкой, с легким румянцем на нежных щеках, и я чувствовала: ей хочется большего. Свете до смерти хочется, чтобы их отношения наконец сдвинулись с этой проклятой мели. Хочется, чтобы он решился. Но вслух она об этом молчала, прятала свои желания за привычной рациональностью. Только карты могли вытянуть из нее эту тайну. Или хорошая порция вина, но карты — вариант более элегантный.

А с ней, конечно же, Виктория. Подруга Светланы из Тобольска. Высокая блондинка с твердым, как алмаз, характером и поставленным голосом, который сразу выдавал в ней руководителя, и не просто руководителя, а начальника санэпидемстанции. Должность, которая требует железной хватки, порядка и полного контроля. Ее мать, Зинаида Петровна, бывшая начальница той же санэпидемстанции, давно на пенсии, но привычка командовать и держать дочь в узде никуда не делась. Вика — это стержень, но я знала, что за этим скрывается усталость, быть вечно ответственной, вечно правильной, вечно той, кто все решает. Она хотела свободы. Хотела выдохнуть. Вика об этом тоже молчала. Но я видела. Правда, видела издалека, потому что вблизи на нее смотреть было страшновато — вдруг прикажет провести санитарную обработку.

Четыре подруги, четыре девы зрелого возраста, знающие цену себе и своим капризам. Мы бодро взяли билеты с единой точкой сборки в Шардже, а оттуда дружным женским десантом в Манохар.

План был прост, лаконичен и, как позже выяснилось, вселенной он категорически не понравился.

Но предчувствие этого появилось еще до того, как Шарджа закрыла небо. Оно настигло нас за неделю до вылета, когда мы сидели на кухне у Людмилы в Сестрорецке, пили чай с вареньем и обсуждали детали. За окном серебрился Финский залив, а на теплом полу, среди плетёных кресел и садовых инструментов, мирно спали собаки. Людмила вдруг замолчала на полуслове. Ее лисьи глаза сузились, она посмотрела на меня, потом на окно, потом куда-то сквозь пространство.

— Камила, — сказала она тихо. — А давай-ка я карты раскину.

Я подняла бровь. Людмила любила гадать на картах Таро. У нее определенно был дар — настоящий, не наигранный. Сама она относилась к этому с легкой иронией, но чувствовала, когда нужно достать колоду, когда карты хотят сказать что-то важное. И сейчас был именно такой момент.

— Давай, — пожала я плечами. — Хуже точно не будет.

Она вышла из-за стола, достала из шкафа старую потрепанную колоду карт, завернутую в черный шелковый платок, и снова села напротив.

— О чем думаешь? — спросила Люда, перетасовывая колоду. Ее движения были точными и ритмичными.

— О поездке, — ответила я, возвращаясь в реальность. — О Гоа. О том, как мы наконец встретимся в Шардже и полетим в рай.

Людмила усмехнулась, не поднимая глаз. Карты лежились на стол с мягким, почти вкрадчивым шелестом.

— Интересно, — протянула она.

Первой выпала Башня. Я знала эту карту — разрушение, крах планов, переворот. Мое сердце кольнуло.

— Башня в позиции «препятствие», — сказала Людмила спокойно, но в голосе появилась та самая вибрация, которую я знала много лет. — Дорога будет ломать твои планы, Камила. Не все пойдет так, как ты задумала.

— Может, просто поменять билеты? — нервно пошутила я. — Или сходить в церковь?

— Бесполезно, — покачала головой Людмила. — Башня — это не про билеты. Это про то, что вселенная считает твой план слишком скучным. Она предложит свой.

Следующей легла Колесница. Потом Шут. В позиции «итог» — Звезда.

— Смотри, — Людмила развернула карты ко мне. — Путь будет хаотичным. Мы будем менять маршруты, что-то пойдет не так, будем терять друг друга и находить заново. Но в конце — Звезда. Надежда. Ответы, которые мы ищем. Каждая из нас.

Я посмотрела на свои руки и вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок. Финский залив за окном казался теперь слишком спокойным, слишком предсказуемым по сравнению с тем, что обещали эти потертые кусочки картона.

— Каждая? — переспросила я. — Мы просто отдохнуть едем. Я вообще-то планировала лежать на пляже и не искать никаких ответов.

Людмила посмотрела на меня долгим взглядом. В карих глазах мелькнуло что-то — то ли улыбка, то ли грусть.

— Камила, дорогая, — сказала она мягко, собирая карты. — Ты последние полгода рисуешь, но не можешь закончить ни одной работы. Внутри у тебя кипит что-то, что просится наружу, но ты не знаешь, как это выразить. Ты едешь в Индию не загорать. Ты едешь искать сюжет. Свою картину.

Я открыла рот, чтобы возразить, но она подняла руку.

— Не спорь. Я тебя знаю.

Она перетасовала колоду и вытянула еще одну карту. Взглянула на нее и тихо рассмеялась.

— Эта карта мне? Что на ней? — спросила я.

— Тебе — «Маг» перевернутый, — ответила Людмила, пряча карты обратно в шелк. — Ты не веришь в свои силы. Думаешь, что художница из тебя так себе, что стихи — это баловство, а твое призвание — считать деньги и выживать. Но это не так, Камила. Путешествие покажет.

— Ага, — хмыкнула я. — Покажет, как я буду торговаться на рынке за манго. Вот это я умею, тут и карты не нужны.

Она замолчала, убрала колоду в шкаф и вернулась к чаю, как будто ничего не произошло. Я хотела спросить еще о чем-то, но она вдруг звонко рассмеялась и махнула рукой:

— Да ладно, что я тебя пугаю! Башня — это к переменам. А перемены — это всегда интересно. Поедем — увидим.

Мы допивали чай, и я вдруг подумала о сестре. О Марке, который то появляется в её жизни, то исчезает. Это тянулось годами, а она всё мечтала о свадьбе, которую никто не планировал. Бедная Светлана — вечно ждущая, вечно надеющаяся — с очередным айфоном в подарок.

Я вспомнила Викторию. Каждое утро она надевала строгий костюм и шла в санэпидемстанцию, где её все боялись и уважали. А вечером возвращалась в свою чертовски хорошо обставленную квартиру в Тобольске. Но её там никто не ждал. Иногда я ловила себя на мысли, что за этой стальной прячется женщина, мечтающая, чтобы кто-то наконец снял с неё этот мундир, расстегнул пуговицы, распустил волосы и сказал: «Ты больше не начальник. Ты просто женщина». Но пока что единственным человеком, снимавшим с неё мундир, была она сама — и делала это с видом чиновника, выполняющего неприятную служебную обязанность.

Что насчет меня? Я развелась, рисовала картины, которые не заканчивала, писала стихи в стол и упорно крутила свой рекламный бизнес, и хотя дочь уже выросла, привычка вкалывать и пробиваться никуда не делась. Я хотела творить, но боялась, что у меня ничего не выйдет. Переживала, что я не художница, а просто женщина с набором красок и грандиозными иллюзиями.

Людмила смотрела на меня, и казалось, читала мои мысли, как открытую книгу.

— Не переживай, — сказала она тихо. — Карты не дают ответов, которые мы не готовы услышать. Они просто показывают путь. А идти по нему или нет — выбор каждой.

— Ладно, — вздохнула я. — Буду считать это не предсказанием, а просто поводом купить расширенную страховку.

Первое препятствие не заставило себя ждать. То ли арабские шейхи зажили слишком сладко и задумали устроить себе внеплановый выходной, то ли где-то там, в мире большой политики, мужчины решили поиграть в войну, но факт оставался фактом: Шарджа перестала принимать самолеты. Наши мечты о теплом океане, кокосах и транс-вечеринках начали таять на глазах, как весенний снег под агрессивным апрельским солнцем.

Но разве нас, четырех авантюристок, могло остановить такое недоразумение, как закрытое небо? Недолго думая — а мы в последнее время только и делали, что недолго думали, — мы купили билеты в обход Шарджи с новой точкой сборки в Новосибирске. И пусть география кричала «абсурд», но из Толмачёво всё ещё летал прямой рейс до Гоа по вменяемой цене.

Как вам такой поворот?

Что могло пойти не так? — думала я. Мы — опытные путешественницы, за плечами у каждой не одна поездка. Где тут подвох? Вселенная, видимо, услышала мой вопрос и зловеще усмехнулась.

Всё началось с меня. На одном из московских вокзалов я, великий стратег маркетинга, купилась на синий цвет вагона, решив, что это фирменный стиль скоростного Аэроэкспресса. Дизайнер во мне победил логиста, и я бодро загрузилась в электричку, на сто процентов уверенная, что еду в Шереметьево. И только когда диктор торжественно объявил станцию «Лобня», до меня дошло, что я совершила эпический провал. Это был не экспресс. Это была обычная пригородная электричка, везущая меня в дебри Подмосковья.

Лобня оправдала свое название — я впечаталась в суровую реальность всем своим самомнением. Это был момент истины: вселенная начала пробивать мою защиту, вывесив предупредительный знак прямо у меня перед носом, но я его проигнорировала. Собрав волю в кулак, я всё же нашла верный маршрут и добралась до аэропорта. С приключением, но вовремя.

Пока я стучалась лбом в Лобню, Людмила вела безнадежную битву в московском отеле. Всё было против неё, но главным злодеем истории стала обычная розетка. Она смотрела на Люду своими двумя черными дырочками и наотрез отказывалась выдавать ток. Ее телефон тихо сдох глубокой ночью, обрывая последнюю связь с нами и планом «А». Будильник остался в цифровой коме, а персонал отеля, судя по всему, решил, что помогать постояльцам — это слишком скучное занятие.

Людмила, которая отличалась пунктуальностью, в этот раз сбилась с ритма. Она проспала в Москве с билетом до Новосибирска на руках.

В это время я стояла на посадку в аэропорту Шереметьево, судорожно сжимая посадочный талон, и поминутно смотрела на часы. Голос из динамиков уже в третий раз вежливо, но беспощадно оглашал мою фамилию. Минуты утекали, трап вот-вот должны были отцепить от борта, словно пуповину, связывающую самолет с землей. В голове воцарился хаос: лететь или не лететь? Бросать Людочку в Москве или оставаться?

Сердце колотилось где-то в горле, а ноги сами несли меня то к выходу, то обратно к стойке. Я до последнего верила, что Людмила — эта вечно успевающая везде натура — вот-вот выскочит из-за угла с победным криком: «Я здесь!». Но Людочка не выскочила.

И тут ожил телефон, пришел ответ на мое сообщение от моего любимого Котика. Я написала ему в приступе паники, но он, как полковник авиации в отставке, знал о небе и дисциплине всё, а о моих сомнениях — ещё больше. Текст был коротким, как команда на взлёт: «Лети. Скоро встретишься с сестрой».

Я прочитала эти слова, и внутри всё мгновенно переключилось. Знаете это чувство, когда голос любимого мужчины, даже превращенный в пиксели на экране смартфона, звучит как приказ, который хочется выполнить беспрекословно? Когда просыпается что-то древнее, женское, подчиняющееся, но от этого — странное дело — чувствуешь себя не слабой, а невероятно защищённой. Внутренний раздрай тут же сменился армейским порядком. Мои носочки буквально встали по стойке смирно, а пятки, кажется, непроизвольно шелкнули. Честное слово, я почти ждала, что сейчас они начнут отдавать честь, приветствуя это волевое решение.

Я выдохнула, улыбнулась экрану и решительно шагнула на борт.

Сзади осталась Лобня, разряженный телефон Людмилы и злой рок московского отеля. Все сомнения превратились в пыль. Тот вечерний расклад карт казался уже не предупреждением, а маршрутом, по которому мы только начали продвигаться.

Аэропорт Новосибирска встретил меня футуристичным минимализмом и варениками.

Я не знаю, что поразило меня больше: масштабные колонны Толмачёво, напоминающие световые турбины из фантастического фильма, или эти самые вареники. Я сидела посреди этого торжества высоких технологий, чувствуя себя героиней «Звездных войн», которая внезапно решила перекусить у бабушки в деревне. О боже, вареников с картошкой я не ела целую вечность! Это вам не суши и не модные тосты с авокадо — это был кулинарный экстаз в чистом виде. Тесто, начинка, густая сметана... Диссонанс между сияющими стальными балками под потолком и каплей сметаны на моей губе был просто оглушительным. Я зажмурилась от удовольствия, чувствуя, как мир постепенно возвращается в нужное русло.

В момент, когда я достигла дна тарелки, зазвонил телефон. Людмила.

Её голос срывался и дрожал — в каждой фразе было столько боли, что даже футуристичные колонны вокруг, казалось, сочувственно потускнели. Она сообщила, что до сих пор сидит у стойки выхода на посадку — того самого рейса, который доставил меня в Новосибирск, — и проклинала и ту злосчастную розетку, и весь московский сервис.

Я представила её — мою хитрую, сильную лисичку, которая сейчас сидела перед пустым гейтом со слезинками в карих глазах. Это было слишком, такие как Людмила не должны плакать, они должны придумывать планы. Моё сердце сжалось, но я знала: нас так просто не сломать.

Так и вышло. Справившись с дрожью в голосе, она выдохнула:

— Я купила новый билет. Москва — Гоа. Завтра вылетаю.

Вот это по-нашему! Вот это характер! Вселенная думала, что поставила ей мат, но наша лисичка просто перевернула доску и переписала маршрут. Она летит напрямую к океану, и мы обязательно встретимся. Кажется, Индия начала прорабатывать нашу карму даже раньше, чем мы пересекли границу.

Я выдохнула, допила морс и отправилась встречать девчонок.

Светлана и Виктория вышли из зоны прилёта: две блондинки, одна — нежная, вторая — статная. Такие разные, такие родные. Виктория, даже в джинсах и футболке, умудрялась выглядеть так, будто собирается проводить внеплановую санитарную проверку. Зато Светлана сияла женственностью: её светлые волнистые локоны даже после перелёта лежали так, будто она только что вышла из салона. В глазах у обеих читалась радость от встречи. Наконец-то я была не одна. Теперь нас трое.

Мы весело щебетали, обнимались и смеялись над препятствиями, которые вселенная раскидала у нас на пути. Грузились в самолёт до Манохара в отличном настроении. В том

самом, когда понимаешь: всё идёт по плану. Не по тому, который мы вычерчивали на кухне в Сестрорецке, а по какому-то другому, более масштабному. Тому, который пишется сам, пока мы смеемся и не сдаемся.

Самолёт взял разбег, оторвался от земли, и я посмотрела в иллюминатор. Впереди была Индия — страна, где все наши расчеты значили не больше, чем фантик от конфеты. А сзади остались Лобня, разряженные телефоны и все сомнения, которые я оставила на взлётной полосе в Новосибирске.

В ушах всё еще звучал голос Котика: «Лети». И мои носочки — вот смешно-то — снова чуть дрогнули, вспоминая ту самую стойку смирно. Я улыбнулась своим мыслям и закрыла глаза.

Впереди было что-то большое. Я это чувствовала. Карты не врут. Или врут... но сейчас я предпочитала верить в расклад. Потому что если Люда права, нас ждало не просто путешествие, а настоящее торнадо перемен. А если нет — ну что ж, по крайней мере, вареники в Новосибирске были просто отличные.

Глава 2. Индийская свадьба и капитан

Через семь часов полета мы приземлились в Манохаре. Только мы вышли из самолета, как нас накрыло. Воздух был таким плотным и влажным, что его хотелось не вдыхать, а жевать. Он пах жасмином, бензином, карри, потом и вечностью. Будто кто-то открыл духовку, где полчаса назад готовился пряный ужин. Мое питерское льняное платье уныло сдалось через минуту, признав полное поражение перед местной влажностью.

Мы направились к стойке такси, где нас встретила толпа мужчин в ярких рубашках. Увидев нашу компанию, они зашевелились, как муравьи, когда наступаешь на их домик. Они махали руками, кричали, показывали пальцами в разные стороны, и каждый был уверен, что именно он знает, куда нам нужно.

— Такси? Такси, мадам! Отель? пляж? Экскурсия? Массаж? Слон?

— Нам просто в отель, — сказала я.

— Отель! Отель у меня! Очень гуд! Дорого? Недорого! Для вас скидка!

— Светик, спасай, — взмолилась я.

Светлана, для которой эта поездка в Индию была уже третьей по счету, вышла вперед. Она подняла руку, и толпа притихла — не потому, что испугалась. Просто эта блондинка с голосом, способным укротить любое животное у себя в клинике, явно обладала еще и гипнотическими способностями.

— Сколько? — спросила она.

— Три с половиной тысячи, мадам! — выпалил самый активный.

Света прижала руку к сердцу. Ее глаза наполнились слезами. Я чуть не поверила, что она и правда страдает.

— Три с половиной? — переспросила она голосом, которым говорят с умирающим.

Таксист растерялся. Он посмотрел на коллег. Те пожали плечами: таких туристов они еще не видели.

— Две с половиной, — сказал он.

— Полторы, — ответила Света.

— Две!

— Полторы!

— Две! — он уже кричал.

— Полторы и мы берем у вас рекламную листовку, — добавила она.

Он сдался.

— Светик, — шепнула я. — Ты гений.

— Нет, — скромно ответила она. — Просто для меня экономия — это искусство.

Мы загрузились в старенькую тойоту, которая, судя по звуку двигателя, помнила если не королеву Викторию, то точно Индиру Ганди. Машина рванула с места. Мы взглянули по сторонам, и нас с головой накрыл индийский рассвет, пропитанный запахом сандала и предчувствием приключений.

Дорога бешено петляла. На асфальте с царственным достоинством спали коровы, а из переулков, как угорелые, выскакивали байки. Светик смотрела в окно с улыбкой знатока, а мы с Викой едва успевали переводить дыхание. За стеклом мелькал сюрреалистичный коктейль: роскошные виллы с бассейнами соседствовали с фанерными лачугами, а индуистские храмы — с белоснежными португальскими церквями. Воздух был пропитан гарью костров, цветами и раскаленным маслом. Вика на переднем сиденье превратилась в каменное изваяние. При каждом обгоне «в лоб» она испуганно ойкала и так яростно вжималась в спинку, будто пыталась катапультироваться вместе с креслом прямиком в родной Тобольск.

Света поймала мой ошарашенный взгляд и улыбнулась.

— Это Индия, Камилка. Привыкай. Здесь вместо правил дорожного движения — карма.

Отель «Дорадо» в Консулиме утопал в цветах. Бугенвиллея росла настолько буйно, что стены едва угадывались под цветущими лианами. Пальмы стояли вплотную друг к другу, образуя туннель, уходящий в неизвестность. Собаки, лениво развалившиеся на пешеходных дорожках, явно poznali высшую форму нирваны.

Пафосные белые рубашки персонала забавно контрастировали с пластмассовой фигуркой божества на стойке ресепшена. Фигурка была щедро украшена мигающей новогодней гирляндой. В этом вся Индия: нарядно, странно и чертовски обаятельно.

— Нас должно было быть четверо, — произнесла Вика голосом, от которого в Тобольске мухи падали замертво. — Еще одна подруга прилетит завтра. Мы опоздали на сутки по вине авиакомпании.

— Да-да, мадам, — молодой индус закивал до того интенсивно, что я начала опасаться за его шею.

— Но платить за эти сутки мы не будем, — добавила сестра, включая режим экономии. — Это форс-мажор.

Она произнесла это с такой интонацией, будто за ее спиной стояли все юристы мира. Слово «форс-мажор» явно произвело впечатление. Парни за стойкой переглянулись: видимо, решили, что перед ними делегация международного суда по правам туристов.

Тут из-за конторки вынырнул невысокий смуглый мужчина. На его рубашке красовался бейджик с именем Сулим, а улыбка была способна растопить все ледники Антарктиды. Он появился стремительно, точно джинн из лампы, только вместо магического сосуда под рукой у него возник ноутбук. Взгляд Сулима выражал крайнее изумление: он явно видел тысячи туристов, но таких решительных встретил впервые. Он быстро щелкнул мышкой, и ключи от номеров магическим образом материализовались в его руках.

— Велкам ту Индия! — провозгласил он. — Сутки вы не оплачиваете. Я показать пляж? Садитесь в машину.

— В машину? — удивилась я.

— Да, мадам. Я подвезти. Гоу?

— Гоу! — хором ответили мы.

Сулим загрузил нас в служебное авто, лихо крутанул руль и через пару минут притормозил у начала тропинки.

— Здесь пляж. Очень гуд!

Он явно сделал больше, чем предписывала должностная инструкция. Мы потом гадали: то ли мы ему действительно приглянулись, то ли он просто мечтал, чтобы мы поскорее исчезли с ресепшена и перестали пугать его сотрудников.

Путь к океану лежал через рыбацкую деревню: спутанные сети, лодки, горы мусора. Светик шагала по этому хаосу уверенно, словно по Тверской, ловко огибая подозрительные лужи. Вика же шла с видом человека, который уже мысленно составил график тотальной дезинфекции побережья. А я вертела головой, пытаюсь осознать, почему здесь до сих пор нет таблички «Осторожно, зона культурного шока».

Рыбаки смотрели на нас так, будто мы не три женщины в шлёпанцах и панамах, а сошедшие с холста «Три Грации». Работа в их руках замирала; в их глазах было удивление, смешанное с тихим восхищением — такая нордическая красота редко забредала в эти края.

— Мы как картины в музее, — усмехнулась Вика, поймав на себе очередной взгляд.

— Только без охраны, — добавила Светик. — И без грозных табличек «Руками не трогать».

— Зато мы здесь под защитой самого Ганеши, — я кивнула в сторону маленькой оранжевой статуэтки у входа в одну из хижин. Пузатый бог с головой слона, украшенный сухими бархатцами, казалось, одобритительно подмигивал нашему шествию.

— И билетов не надо, — подхватила Вика, и мы дружно рассмеялись.

Напряжение последних суток окончательно лопнуло, как перетянутая струна. Мы смеялись, и этот смех, казалось, был единственным понятным языком в этом странном, пахнущем морем и рыбой мире.

И тут — музыка. Громкая, ритмичная, с рокотом барабанов, сквозь который прорывались пронзительные женские голоса.

— Свадьба, — сказала Светлана, замедляя шаг. — Местная.

Мы остановились у невысокой ограды. Под навесом из разноцветных тканей колыхалось море ярких сари: оранжевых, кобальтовых, изумрудных. В центре, в облаке благовоний, сидели жених и невеста. Девушка в пунцово-красном наряде, щедро усыпанном золотом, казалась ожившей древней богиней. Она прикрывала лицо — от смущения или по велению ритуала, а может, от осознания, что теперь ей предстоит жить со свекровью. Жених смотрел на свою избранницу с неприкрытой нежностью, и от этого зрелища у меня невольно защемило сердце.

Светик замерла. Она смотрела на невесту и будто читала тайный шифр, недоступный нам с Викой. Её пальцы побелели, впившись в лямку рюкзака.

— Красиво, — прошептала она.

Я посмотрела на сестру. В её глазах — тоска. Глубокая, давняя, тщательно спрятанная за рациональностью. Света редко говорила о своем кавалере, но и без слов было ясно: его появления — как яркая вспышка, за которой следует долгая темнота. Он внезапно врвался в её жизнь с букетом и путевкой в Европу, а потом исчезал в тумане, оставив после себя аромат дорогого парфюма и очередной флагманский айфон.

Света, чей недолгий трагичный брак остался в прошлом, ждала от него определенности, а получала лишь сверкающую обертку семейного счастья. Она металась между «где его черти носят» и «боже, он идеален», а в каждом подарке читалось лишь вежливое «извини, что я снова без кольца». И индийская свадьба сейчас была по самому больному.

— Света, — мягко начала Вика. — Может, ему правда нужно еще немного времени?

— Ему нужно время уже целую вечность, Викусь, — она вздохнула, не отрывая взгляда от красного сари. — Я просто устала ждать чуда.

— Тогда по возвращении ставь вопрос ребром. Или ногой. Как будет удобнее, — вмешалась я.

— Вечно ты со своим цинизмом... — она попыталась улыбнуться, но губы дрогнули.

— Это не цинизм, дорогая. Это питерский прагматизм. В моем городе говорят: если мост не сводится, нечего стоять на набережной и кормить комаров — пора идти в ближайший бар. Пойдем, океан нас заждался. Он, в отличие от некоторых бизнесменов, всегда на месте и всегда нам рад.

Она кивнула, отвела взгляд и пошла вперед. Но я видела — что-то в ней переключилось. Карты Таро, которые Людмила раскладывала перед поездкой, обещали перемены. Неужели началось? А может, мне просто хотелось верить, что мы приехали сюда не только лежать на песке и есть креветок.

Мы вышли на пляж — и я забыла, как дышать.

Ослепительно светлый песок хрустел под ногами, как сахар. Серо-голубой океан с пушистыми белыми барашками на гребнях волн казался бескрайним. Дул солёный, тёплый ветер: он беспардонно путал волосы и заставлял жмуриться. И никого. Ни одной живой души на километры вокруг.

— Где люди? — прошептала я. — В Индии, где полтора миллиарда человек...

— А их нет, — спокойно ответила Светик.

— Это как так?

— Это Индия, Камилка. Здесь либо толпа, в которой не продохнуть, либо абсолютная пустота. Третьего не дано.

Мы быстро скинули одежду. Вика уверенно вошла в воду и мощными гребками ушла вперед. Света скользила следом. А я плескалась у берега, потому что плаваю я как породистое полено — тяжелое, намокшее, старательно изображающее брасс, но в итоге идущее ко дну, хоть и с большим достоинством.

Я стояла по пояс в теплой воде, чувствовала, как волны обнимают тело, и думала о том, что мне катастрофически не хватает надувного розового фламинго.

И вдруг я вспомнила Питер. Свою первую съемную квартиру с видом на мусорные баки, где я когда-то пыталась нарисовать море. Сидела с кистью, смотрела на чистый лист и не понимала, как передать эту бесконечность. Волны у меня получались картонными, плоскими — будто вырезанными из серой бумаги. Я бросила тогда, решив, что я не художница, а просто женщина с красками и кучей неоконченных холстов.

А теперь я стояла в самом сердце этого холста. Волны накатывали, разбивались и отступали. И я чувствовала каждой клеткой, каждым нервом и каждым лишним килограммом, как они живут. Океан перестал быть просто цветом — он стал движением, которое невозможно остановить.

— Вот оно, — сказала я в пустоту, разглядывая набегающую пену.

— Что «оно»? — крикнула Светик, выплывая из приборя и откидывая мокрые волосы.

— Волны. Я наконец их чувствую. Не как краску в тюбике, а как... ритм.

— Камила, ты чего? — она подплыла ближе, смахивая капли с ресниц. — Реветь собралась?

— Не реветь, — я фыркнула, хотя в носу подозрительно защипало. — Запоминать. Для будущей картины.

— Для картины... — Светик понимаюсь улыбнулась. — Ну-ну. Ты только не утони в процессе. Тут, знаешь ли, сразу глубина.

— Спокойно, я на мели, — отозвалась я. — Моя стихия — безопасное мелководье.

Она рассмеялась, и я вместе с ней. А потом я посмотрела под ноги.

— Ой! Смотрите, крабики!

Весь берег был усеян норками — маленькими, аккуратными, словно кто-то проткнул песок тонкой палочкой. Между этими убежищами сновали они — песочные призраки. Полупрозрачные, невероятно шустрые, с глазами на стебельках. Их были тысячи, и этот хаотичный бег завораживал. Эти маленькие существа замирали на мгновение, поднимая клешни кверху, и словно говорили: «Это наша территория, чужаки. Но за красивые глаза и без тапок — так и быть, пропустим».

Вика вышла из воды и подошла к нам. Её лицо, обычно затянутое в корсет строгой ответственности, вдруг обмякло и посветлело.

— Они симпатичные, — тихо сказала она.

— Викуся, ты ли это? — я притворно ахнула. — Начальник санэпидемстанции признает очарование дикой фауны без ветеринарного сертификата?

— А что? — она присела на корточки. — Они живые. Им здесь хорошо. И если на то пошло, начальник СЭС тоже имеет право на внезапное умиление.

Я вспомнила, что совсем недавно она потеряла любимую собаку. Мы не касались этой темы: Вика была не из тех, кто лечит раны разговорами. Но, глядя, как она наблюдает за суетой крабиков, я поняла: именно это ей и было нужно. Что-то простое, пульсирующее жизнью, не требующее отчётов и проверок.

— Викуся, смотри, — позвала я. — Три штуки в ряд.

Тройка крабиков замерла, синхронно выставив клешни.

— Нас тоже трое, — тихо отозвалась Вика. — Пока трое. Людмила права — карты не врут.

Я вздрогнула. Сразу после нашей встречи, еще в аэропорту Новосибирска, я рассказала подругам, что показали нам карты Таро, не надеясь, будто кто-то кроме меня воспримет это всерьёз. Так что в устах Вики, всегда верившей только в инструкции, подобное заявление прозвучало почти сакрально.

Нашу идиллию нарушил шум мотора.

По кромке прибоя к нам лихо катил служебный внедорожник. За рулем автомобиля сидел молодой парень в идеально выглаженной форменной рубашке и кепке с надписью «Security», сдвинутой на лоб. По всей видимости, он планировал приступить к патрулированию, но, увидев нас, затормозил так резко, что песок брызнул во все стороны. Парень явно завис. Мы выход-

дили из воды — мокрые, растрепанные и в ярких купальниках, сияющие на солнце, как три жемчужины, которые океан случайно выплюнул на берег.

Его взгляд задержался на Вике чуть дольше, чем того требовали правила приличия. И тут произошло невероятное: наша железная леди из Тобольска вдруг выпрямилась, поправила влажные волосы и чуть приподняла подбородок. Этот жест, которого я прежде не замечала, был инстинктивным, женским, лишенным всякой чиновничьей суровости.

— Охрана, — шепнула я Светику. — Сейчас нас депортируют за нарушение тишины.

— За что? — тоже шепотом отозвалась она, не переставая улыбаться. — За то, что мы слишком эффектно смотримся на фоне этого пейзажа?

— Скорее за то, что мы напугали всех крабиков-призраков своим смехом.

Патрульный заглушил двигатель и вышел из машины, стараясь придать лицу выражение чрезвычайной государственной важности. Похоже, его скучное дежурство на пустынном пляже внезапно превратилось в сцену из фильма.

— Гуд ивнинг, ледиз, — произнес он, отчаянно пытаясь сохранить достоинство под нашими взглядами. — Я капитан охраны пляжа.

— Целый капитан! — обрадовалась я, но Светик мгновенно перехватила инициативу.

— Здравствуйте, капитан. А где же люди?

— Зона рыбной ловли, мадам. Рыбаки приходят на рассвете, а сейчас — время отдыха. Все дома.

— Понятно. А где ближайшие шеки? — Света явно не собиралась отпускать «законного» представителя так просто.

Капитан сглотнул. Белая мадам владела терминологией: шеками местные называли небольшие локальные кафешки на побережье.

— В полутора километрах отсюда, на берегу. Рыба, креветки, ледяные коктейли.

— И как, коктейли проверяете? — вдруг подала голос Вика. В её тоне вместо инспекторской стали прорезалась лукавая девичья хитринка.

Он снова посмотрел на неё — наперекор любым уставам.

— Каждую неделю, мадам, — отрапортовал он с внезапной гордостью. — Лично. Для контроля качества.

— Для контроля качества... — повторила Вика, и её губы, обычно сжатые в строгую линию, предательски дрогнули.

— И часто вы проводите такие... рейды? — не унималась сестра, подмигивая мне.

— Регулярно! — Капитан встал на вытяжку. — Это мой долг. Я отвечаю за безопасность и стандарты гостеприимства.

— Какая ответственная работа, — заметила я, едва сдерживая смех.

— Да, мадам, — он серьезно кивнул, будто мы обсуждали не дегустацию рома, а запуск спутника.

— Спасибо, капитан, — Света милостиво кивнула. — Завтра мы лично оценим ваши рекомендации.

Он козырнул, сел в машину и укатил вдоль прибоа, оставив нас в облаке соленой пыли и со странным ощущением, что Вика только что... кокетничала? По-настоящему? Такое случилось впервые на моей памяти.

— Викуся, — я потянула её за руку. — Это что сейчас было? Солнечный удар?

— Ничего особенного, — ответила она, но улыбка никак не сходила с её лица. — Просто констатирую факт: ответственная должность. И с полноценным питанием.

— С питанием! — я расхохоталась. — Вика, ты серьезно? Ты только что одобрила употребление алкоголя на рабочем месте под видом «проверки»?

— А что? — она подняла бровь. — Человек на посту. Каждую неделю рискует здоровьем ради качества продукта. Такую самоотдачу надо уважать!

Мы рассмеялись в голос, и бедные крабики, в конечном счете решив, что эти три странные женщины опаснее любого капитана, попрятались в норки до позднего вечера.

Мы шли обратно по пляжу, обсуждая завтрашний поход в шек.

— Свет, — сказала я, глядя на её плечи, покрытые солью и блестящие в лучах заходящего солнца. — Какая у тебя кожа нежная. Твой Марк, наверное, это ценит?

Она не ответила. Я ждала привычной шутки или подкола в ответ на моё любопытство, но Света шла молча и упорно смотрела под ноги.

— Светик? Ты чего?

— Ценит, — сказала она наконец, не оборачиваясь. — По правде говоря, он много чего во мне ценит. Подарки дарит постоянно. Дорогие.

— Звучит неплохо, — осторожно заметила я, чувствуя, что мы вступаем на тонкий лёд.

— Звучит красиво, — кивнула она. — А по факту я уже много лет коллекционирую гаджеты и жду предложения. Которое всё никак не случается.

В её голосе снова звучала та тоска, которую я заметила у ворот индийской свадьбы.

— Может, он просто... не решается? — предположила я, хотя сама в это не верила.

— Камилка, — она остановилась и посмотрела мне прямо в глаза. — Если мужчина одаривает бриллиантами, но «не решается» на предложение, то он очевидно «не хочет». Всё остальное — лишь красивая упаковка.

— А что ты тогда с ним делаешь? — вырвалось у меня.

— Люблю, — просто сказала она. — Вот что делаю.

Мы пошли дальше в полном молчании: сказать было нечего. Любовь — штука чертовски нелогичная. Она заставляет умных женщин годами жить в режиме ожидания, а успешных мужчин — дарить новые телефоны вместо кольца, которое значило бы что-то большее.

— А что у тебя за средства для лица? — спросила я, решив сменить тему. — Кожа — просто шёлк. Я тоже такую хочу. В наши годы надо как-то держаться на плаву.

— Увлажнение, — ответила она, немного оживая. — И спокойствие. Но со спокойствием у меня сейчас явные перебои.

— У всех перебои, — вздохнула я. — Спокойствие — это роскошь.

— У меня ко всему прочему проблемы со сном, — неожиданно добавила Вика, догоняя нас. — Светик встает в шесть утра. В шесть, Карл! В это время даже индийские петухи еще сомневаются, стоит ли подавать голос.

— Я так привыкла, — просто пожала плечами Светлана.

— Вот наш режим сна: она встает — и я просыпаюсь. Потом я смотрю в потолок вместо сна, а она спокойно пьет чай. Настоящая идиллия.

— Девочки, вам бы отдельные номера, — усмехнулась я.

— Экономия, — отрезала Светик. — Высшее искусство!

— Искусство, которое медленно превращает Викасию в зомби, — заметила я.

— Я переживу, — вздохнула Вика. — В ранних подъемах, оказывается, есть своя прелесть. Например, можно с безопасного расстояния наблюдать, как Светик расставляет баночки с кремами с хирургической аккуратностью.

— Ты что, за мной шпионишь? — возмутилась Света.

— Я просто лежу с открытыми глазами, — парировала Вика. — И мне чертовски скучно. В Тобольске в это время я уже знаю результаты всех утренних проверок, а тут приходится рассматривать этикетки твоих сывороток.

Мы дошли до отеля, и тут я заметила её. У входа, слева от ворот, располагалась причудливая пристройка — высокая, деревянная, украшенная почерневшей от времени резьбой. Она удивительно напоминала старую, немного покосившуюся башню с надломленной крышей. А еще от неё веяло необузданной силой.

— Смотрите, — сказала я, останавливаясь. — Это же Башня из Таро. В полный рост.

Светик замерла. В её глазах мелькнуло что-то: не то узнавание, не то суеверный страх.

— Та самая, — тихо подтвердила она. — Из расклада Людмилы.

Мы замолчали. Башня — это крах планов, переворот, очищающее разрушение. Она уже случилась в Шардже и Лобне? Или главное обрушение еще впереди? И если так — чья стена даст трещину первой? Светина с её нескончаемым ожиданием? Моя — с недописанными холстами и прошлым в Питере? Или Викина, скрытая за стальным инспекторским мундиром?

— Пойдемте спать, — прервала тишину Вика. — Хватит мистики на сегодня. Завтра много дел.

— Шеки... — мечтательно отозвалась я.

— Коктейли! — подхватила Света.

— Проверенные лично капитаном пляжа, — закончила Вика, и мы снова рассмеялись, разгоняя ночные тени.

Перед сном я вышла на балкон. Воздух посвежел, пахло солью и ночными цветами. Внизу, у тропинки, я разглядела брошенную платформу — массивную деревянную конструкцию на тяжелых колесах, украшенную увядшими гирляндами. Очевидно, остатки недавнего праздника. Колесница — еще одна карта. Путешествие, которое уже не остановить.

Я вспомнила слова Люды: «Путь будет хаотичным. Но в конце — Звезда».

И тут требовательно пискнул телефон. На экране высветилось сообщение от нашей Лисички: «Завтра в десять утра ждите в Кансаулиме. Я уже на подлёте!»

Я улынулась и еще раз посмотрела на небо. Звезды горели ярко и уверенно. Я чувствовала каждой клеткой: что-то начинается. Глубокое, важное, настоящее. Карты определенно не врал.

Глава 3. Кокосовое лицо и новый расклад

Следующий день принес нам долгожданную радость. Мы наконец-то воссоединились с Людмилой, нашей Лисичкой, которая, как и обещала, с утра триумфально прибыла в отель. Радости не было предела: мы обнимались, а потом, перебивая друг друга, вывалили на Люду всё накопленное — Башню, капитана с пляжа и песочных крабиков.

Людочка слушала и картинно закатывала глаза, поправляя очки:

— А я, между прочим, сидела в Москве у стойки и смотрела, как улетает мой самолет. Думала: «Ну всё, еду в Сестрорецк к собакам». Но затем поняла — нет, этих авантюристок я без присмотра не оставлю.

— И правильно сделала, — улыбнулась Светик. — Без тебя мы бы тут уже дошли до стадии разговоров с крабиками.

— А что? Крабики очень даже милые, — вдруг вставила Вика.

Мы все синхронно замолчали и посмотрели на неё. Викуся явно начинала оттаивать.

— Ты посмотри на неё, — усмехнулась я. — Начальник СЭС Тобольска признала милыми диких ракообразных. А дома, небось, и рыбок покормить некогда — всё инспекции да протоколы?

— Рыбок-то я покормлю, — отозвалась Вика, — а вот с мамой всё сложнее. С тех пор как Зинаида Петровна на пенсию вышла, ей нейдет вдвойне. У неё ведь как: если я не под присмотром, значит, живу неправильно, смотрю не туда и ем не то. Ей лишь бы позвонить и устроить внеплановую проверку личной жизни.

— Прямо-таки звонит? — уточнила Люда, присаживаясь в плетеное кресло.

— Каждый вечер, — вздохнула Вика. — Ровно в девять, как по расписанию. Допрос с пристрастием: что ела, где была, почему до сих пор не замужем. А я отчитываюсь, как студентка на экзамене.

— Викуся, — мягко сказала я, — ты взрослая женщина, у тебя дочь уже замужем. Маме пора в отставку не только по документам, но и в твоей голове. Перестань быть отличницей.

— Легко сказать, — Вика усмехнулась, но в её взгляде не было привычной стали.

Мы замолчали, но я видела, что Вика улыбается. Индия явно приступила к демонтажу её «внутреннего мундира».

Большой компанией, теперь уже в полном составе, мы отправились на пляж. Нас ждал заветный шек, шезлонги и те самые коктейли, о которых с гордостью вещал капитан охраны. Да-да, те, которые проходят еженедельную «проверку качества».

Света, наш бессменный штурман, повела нас новым маршрутом — прямо через джунгли. Пальмы, лианы, цветы размером с мою голову и такая влажность, что воздух казался густым тропическим коктейлем, который нужно не вдыхать, а прихлебывать.

— Свет, мы точно не заблудимся? — спросила я, опасливо оглядываясь на подозрительно шевелящиеся папоротники.

— Точно, — уверенно отозвалась она. — Я здесь уже ходила. В прошлый раз.

Мы шли, раздвигая тяжелые ветви и перешагивая через узловатые корни, похожие на спящих змей. И вдруг — тишину разорвали вопли. Громкие, резкие, подозрительно похожие на ссору базарных торговек в базарный день.

— Это еще что за митинг? — я замерла на месте.

— Обезьяны, — невозмутимо пояснила Света.

Я задрала голову. Над нами на ветках бесновалась стая шумных и прыгучих обезьян с длиннющими хвостами и глазами-бусинками. Одна особенно наглая особь повисла на лиане перед моим носом и уставилась на меня так дерзко, будто я задолжала ей за аренду этих джунглей.

Я в ужасе вцепилась в локоть сестры.

— Обезьяны! — пискнула я, теряя остатки питерского самообладания. — Света, они же сейчас на нас нападут! Гляди, она уже целится в мои очки!

— Камилка, — голос Светы звучал спокойно и умиротворяюще, как у человека, который привык разнимать дерущихся котов. — Они не нападут. Это просто визуальный осмотр новых объектов.

— Осмотр? Света, они оценивают, кого сожрать первым!

— Обезьяны не едят туристов, — авторитетно заявила Вика, поправляя панаму. — Это не входит в их рацион. Максимум — антисептик отберут, и то вряд ли: запах спирта их не вдохновляет.

— И иногда они воруют печенье, — добавила Людмила, поправляя очки. — Я читала в путеводителе, что обезьяны профессиональные карманники, но никак не людоеды.

— Вы с ума сошли! — возмутилась я, вцепившись в сестру мертвой хваткой. — Посмотрите на их зубы!

— Камила, — Светлана мягко положила руку мне на плечо. — Забыла, с кем ты идешь? Мы с Викторией полжизни работаем с животными, пусть и в разных ведомствах. Всё под контролем. Если что — отобьемся сумками.

— Да, — кивнула Вика и обошла меня с другой стороны, приняв вид заправского охранника. — В случае чего я им зачитаю постановление о нарушении режима в общественном месте. От такой тягомотины даже вожак стаи в обморок упадет.

Обезьяна, висевшая надо мной, вдруг демонстративно чихнула, потом спрыгнула на землю и, даже не удостоив нас прощальным взглядом, скрылась в кустах. Остальные, мгновенно потеряв к нам интерес, с визгом умчались по веткам дальше в чащу.

— Видишь? — улыбнулась Света. — У них свои дела, им не до нас.

— Ну да, — я выдохнула, чувствуя, как сердце возвращается на место. — В следующий раз они, пожалуй, на мотоциклах мимо нас проедут, помахивая лапами. В этой вашей Индии я уже ничему не удивлюсь.

— Ой, не могу! — прыснула Людмила. — На мотоциклах! Камилка, я как представила, сразу первого мужа вспомнила. Одно лицо! Вот уж точно — орангутанг на мотоцикле.

— Люда! — хором воскликнули мы.

— Что «Люда»? — она сделала абсолютно невинное лицо, хотя в глазах плясали чертики. — Чистая правда. И усищи такие же — выдающиеся, и повадки. Он еще храпел так, что джунгли в радиусе километра вымерли бы.

Мы расхохотались и прибавили шаг. До того самого шека, где нас ждали ледяные коктейли и обещанные капитаном креветки, оставалось всего несколько сотен метров.

Мы вышли на пляж. Он был другим, не таким, как вчера. Здесь были шезлонги — деревянные, с матрасами в полосочку, под большими зонтами из пальмовых листьев. Рядом — столики, на которых уже стояли меню.

— Это оно, — сказала Света. — Шек.

К нам тут же подлетел официант — молодой, улыбчивый, в выцветшей добела футболке с надписью, которую уже невозможно было прочитать.

— Меню, мадам! Бест прайс, фреш фиш!

Мы открыли папки. Глаза разбегались: лобстеры, кальмары, карри, лепешки-нааны... И коктейли. Отдельная страница, длинная и многообещающая, как список желаний в новогоднюю ночь.

— Я буду мохито, — заявила я, чувствуя, как жажда начинает побеждать здравый смысл.

— И я, — подхватила Света.

— А мне «Секс на пляже», — решительно бросила Людмила.

Мы все дружно уставились на нашу Лисичку.

— Что? — она вскинула бровь. — Это коктейль. Иронично, вкусно и подходит к моему новому купальнику.

— А мне пина коладу, — неожиданно добавила Вика.

— Викуся, ты пьешь это сладкое безобразие с зонтиками? — я чуть не выронила меню.

— Камила, я пью всё, в чем есть хоть капля радости, — парировала она с видом инспектора, принимающего объект. — Просто в Тобольске я это тщательно маскирую под чай с лимоном.

Мы заказали. И тут около нас материализовался еще один индеец с огромным кокосом в руках. С улыбкой до ушей он протянул его Светлане.

— Для вас, мадам. Спешл презент.

— Спасибо... — растерянно произнесла Света, принимая тяжелый плод.

— Это нам просто так? — уточнила я.

— Для красоты, — ответил парень, не сводя восторженных глаз со Светы. — Для такой красоты — всё бесплатно. Море, солнце и кокос.

Мы переглянулись. Надо признать, Света всегда обладала этим странным даром: её нежный образ, светлые волнистые локоны и тихий голос работали на индийских мужчин как магнит. Она была для них воплощением какой-то неземной, северной мечты. Сама же Света относилась к этому снисходительно.

— Света, — шепнула я, когда парень замер рядом, превратившись в соляной столп обожания. — Ты опять включила режим «сияющей богини». Смотри, бедняга сейчас забудет, как дышать.

— Я ничего не делала, — Света пожала плечами, осторожно прихлебывая сок через трубочку.

— В том-то и дело, дорогая. В этом-то и вся проблема.

Парень между тем уходить не собирался, явно ожидая, что «северная богиня» скажет что-то еще или хотя бы просто посмотрит в его сторону. Он перевел взгляд на пальму, растущую прямо у нашего шека, и его глаза азартно блеснули.

— Хотите свежий? Самый свежий, леди! Прямо с неба!

Не дожидаясь ответа, он ловко ухватился за шершавый ствол и начал карабкаться вверх. Босиком, без всякой страховки, работая одними пятками и локтями.

— Он что, издевается? — Вика задрала голову, забыв про свой коктейль. — Где страховочный пояс? Где каска? Это же грубейшее нарушение всех норм!

— Он просто индеец с кокосами, Викуся, — с смехом отозвалась Света. — Это их национальный вид спорта.

Парень взлетел на самую макушку, огляделся и, выбрав несколько самых увесистых плодов, сбросил их вниз. Кокосы падали на песок с глухим, сочным стуком, едва не задевая наши шезлонги. Спрыгнув вниз так же легко, он разложил добычу перед нами, как трофеи.

— Для вас, мадам. Самые лучшие, полные солнца и молока.

Мы были в полном восторге. Света полезла за кошельком, но парень испуганно замахал руками:

— Нет-нет, мадам! Но мани! Для такой красоты — только подарок.

Он поклонился, сверкнув белозубой улыбкой, и ушел, периодически оглядываясь на нашу северную блондинку.

— Ну что, — Людмила поправила очки, провожая его взглядом. — Сегодня главная звезда пляжа — это ты, Светлана.

— Как мило!, — Света игриво улыбнулась. — Видимо у меня сегодня кокосовое лицо.

— Кокосовое лицо? — я захохотала, выуживая трубочку из стакана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.